

 MOJANG

МИНЕСРАФТ™

АВАРЖИЯ

ТРЕЙСИ
БАТИСТ

Minecraft. Original

Треиси Батист

Minecraft: Авария

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(7Coe)

Батист Т.

Minecraft: Авария / Т. Батист — «Издательство АСТ»,
2018 — (Minecraft. Original)

ISBN 978-5-17-105958-3

Бьянка вместе со своим лучшим другом Лонни попадает в ужасную автокатастрофу. Очнувшись в больнице, Бьянка понимает, что какое-то время не сможет ходить, но самое страшное другое: ни врачи, ни родители не говорят ей о том, что случилось с Лонни. Пытаясь отвлечься, она погружается в новую версию игры «Майнкрафт», в виртуальную реальность, которая отвечает на каждое ее желание. Исследуя этот новый мир, Бьянка встречает немного и плохо функционирующего персонажа, который чем-то напоминает ей Лонни. Вместе с еще двумя пациентами больницы, Эсме и Антоном, она решает спасти друга. Но дорога к выздоровлению трудна и опасна. На детей постоянно нападают полчища монстров, которых словно порождают страх и неуверенность самих игроков, и Бьянке придется ответить на два невероятных вопроса. Неужели Лонни действительно каким-то образом оказался в игре? И как его оттуда вытащить?

УДК 821.161.1

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-105958-3

© Батист Т., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Трейси Батист

Minecraft: авария

Tracey Baptiste

MINECRAFT: THE CRASH

Печатается с разрешения издательства Del Rey, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

© 2018 by Mojang AB and Mojang Synergies AB «MINECRAFT™» is a trademark or registered trademark of Mojang Synergies AB. All rights reserved.

© Дмитрий Могилевцев, перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

***

Элиоту, Эвери и Линдси

Глава 1

«Всё к лучшему». Найти бы того, кто первым додумался до этой идеи. Уж я бы сказала, что про него думаю. Представьте, каково услышать подобное, когда работа валится из рук, все идет не так и ты в полном ауте. Всё к лучшему, надо же! Если бы вам дали волшебную машину времени, предложили вернуться назад и все исправить, неужели вы отказались бы?

Вот именно. Никто не верит в эту чушь.

С другой стороны, что еще говорить тому, кто превратился в никчемный кусок изломанного месива? Конечно, лучше не заикливаться, исправлять ошибки, двигаться вперед и надеяться на лучшее. Чувствую, тут я могла бы сказать что-то поумнее, но увы. Кроме этого, в голову ничего не идет. Разве только пожелать волшебную машину времени: всегда можно помечтать о сказке.

Ошибка, которую мне очень хотелось бы исправить, случилась несколько дней назад. Сколько именно – сказать не могу. Время сейчас... С его измерением сложно. И все равно уже ничего не вернуть и не исправить. Ведь правда?

В общем, как-то в пятницу – не знаю точно, в какую, – мы с лучшим другом поехали на вечер выпускников. Так у нас начинается новый учебный год. Футбол, праздник, все общаются и прочее.

Это я убедила Лонни поехать. Мы не то чтобы любители спорта. Скорее – игроки. Все, что не компьютерная игра, в список наших увлечений не входит. Но, насколько я поняла, выпускной вечер – самое то в старшей школе. Про выпускные кино снимают, и вообще событие из ряда вон. Почему бы не проверить самой? Я только что стала старшей школьницей и как новичок сгорала от любопытства. Передо мной будто открылся новый, прежде недоступный уровень игры – с большими шкафчиками для полноразмерной одежды и большими боссами вроде выпускных тестов. В общем, вы меня поняли. С другой стороны, Лонни не горел желанием. Потому я малость подсластила горькую пилюлю: сказала, что испеку мои знаменитые пирожные и захвачу одеяло, чтобы закутаться, сидеть рядышком и жевать шоколадные пирожные. Кажется, его убедили моя выпечка и одеяло, но я не уверена. В смысле, не так много парней из выпускного, которые хотят водиться с первогодкой у всех на глазах. Но мы дружили с тех пор, как мне исполнилось шесть, а ему – восемь. Наша дружба побольше того, что обычно случается в старшей школе.

Я это все к тому говорю, что вина моя. Целиком и полностью – за все, что случилось потом.

Лонни явился около пяти, я подхватила пирожные и одеяло, села в машину. Мы выехали и заговорили про «Майнкрафт», как у нас обычно бывало.

– Ты построила все те ловушки? – спросил он.

Я поморщилась. Не построила. Ну, забыла!

– В общем, я решила пока достроить базу, – ответила я. – Сделаю пол из тепличного стекла, буду глядеть на все сверху.

– То есть ты не доделала, что планировала. Опять, – разочарованно выговорил Лонни.

Прям как мой папа, а не друг!

– Я dokonчу, когда разберусь с теплицей. И я не понимаю, чего ты на меня взелся! – огрызнулась я.

– Бьянка!

– Лонни!

– Слушай, необходимо придерживаться плана. Иначе все пойдет наперекосяк. Если хочешь, чтобы работало по-настоящему, нужно исполнять задуманное. Разве не в этом суть пробного мира? Нужно отладить там, а после двигать в настоящую игру.

– Я думала, суть – в том, чтобы наделать всяких безумных штук и проверить, что работает, а что нет. Съезжать по полной, взрывать и портить, заварить кашу – и никогда не расхлебывать.

Лонни вздохнул, провел ладонью по коротко остриженной голове, на мгновение прикрыл веки и поморщился, словно от боли. Когда он открыл глаза, они показались мутно-серыми. Плохо. Когда Лонни в хорошем настроении, у него глаза цвета стали, резко-серые, ясные.

– Мне казалось, тебе интересно работать над нашим проектом, – произнес он. – Ты же сказала, что хочешь создать целый мир: новые пейзажи, деревни, новые правила поведения людей, новые законы. А потом ты хотела поиграть с ними. Менять и смотреть, что выходит.

– Да, но...

– Но сначала нам надо сделать этот мир. Бьянка, чтобы сделать, нужен план.

Я не хотела с ним ссориться. Он запыхтел, будто дракон, который собрался плюнуть в меня огнем. А я не знала, как его успокоить.

– Ты никогда не соблюдала планов! – упрекнул он. – Сначала ты хочешь что-то сделать, я тебе – на, вот план. Ты кричишь: «Замечательный план!» А потом даже не делаешь вид, что исполняешь задуманное.

Ох, на носу – полноценная ссора.

– А я еще тут шофер у тебя, – добавил он.

– Ну, так ты получил права только что. Тебе надо тренироваться, – указала я. – Плюс к тому, подумай, как расширится твой кругозор, когда ты сходишь на настоящее спортивное событие!

– С какой поры тебе нравится спорт? – осведомился Лонни.

– Я впервые иду на большое школьное событие, и мне хочется узнать, каково оно, с массами, – пожав плечами, ответила я.

– «Массы» – еще одно название для мобов. Уж поверь мне, старшая школа – вовсе не такое разэтакое, – сказал Лонни и, взвизгнув покрывками, свернул на улицу Вязов. – Еще раз, где это тупое футбольное поле?

– Два квартала прямо, затем направо, – самодовольно ответила я.

Он выехал к светофору и затормозил. В движениях Лонни сквозило раздражение. Я прикусила верхнюю губу и принялась наматывать косичку на палец.

– Знаешь, они сносят площадку, – сказала я.

Включился зеленый, и Лонни дернул машину с места.

– И что?

– Хочешь посмотреть на нее, прежде чем ее уничтожат целиком?

– Зачем?

– Ну, может, затем, что там случились наши самые большие приключения, – предположила я. – И больше она никогда не будет прежней. А прежде всего, потому, что это наше с тобой место.

– Ну да, ладно, – согласился Лонни.

– Надеюсь, ты помнишь, где оно?

Он уставился на меня. Глаза – ясные, серые, с искоркой. Я ухмыльнулась: мне знаком этот взгляд. Значит, мы помирились.

Мы свернули не направо, на Грандвью, а налево.

Площадка уже выглядела как заброшенный город. Пропали качели. Осталась лишь горка для лазанья, ржаво-синяя и вся в пятнах облупившейся краски. Оборванный веревочный мостик лежал в резиновой крошке. Один его край еще держался за стенку для лазанья, перекладыны пока держались.

Я взобралась по колыхающей лестнице, шмыгнула в трубу и съехала прямо к ногам Лонни, обутым в кроссовки.

– Хочешь?

Он покачал головой.

– Удивительно, но это первый ремонт со времен нашего детства, – заметил Лонни. – Наверное, площадку следовало снести давным-давно.

– Но это же наше место!

– Было, – добродушно указал Лонни.

Да, здесь мы впервые встретились, подружились и придумали наши первые миры. Мы изображали бесшабашных пиратов на веревочном мостике, прыгали с качелей, словно цирковые артисты, и защищали нашу крепость от воображаемых зомби. Кстати, одним из первых наших миров в «Майнкрафте» стала улучшенная версия площадки. Внизу, конечно, повсюду была лава.

После мы всегда держались вместе, даже когда площадка совсем развалилась.

– Помнишь, как я соскользнула со стенки, а ты попытался меня подхватить? – мечтательно спросила я.

– Ага, и получил в награду перелом кисти, – качая головой, ответил Лонни. – Ты и тогда не шибко думала наперед, хотела крайностей и не задумывалась о последствиях.

– Знаешь, если б я хотела послушать лекцию, просто пошла бы в школу, – сложив руки на груди, сказала я.

Лонни пожал плечами, пнул валявшуюся желтую пластмассовую крышечку, блеклую и выцветшую, и пошел к тому, что когда-то было горкой для лазанья. Большинство перекладин валялось на земле. Я брела за Лонни. Он грустно посмотрел на груду. Заходило солнце, и на площадке лежали оранжевые тени.

Повисла тишина.

Лонни был прав. Это место больше не наше.

– Давай уедем, – предложила я.

– Да, чудесное возвращение в прошлое, – насмешливо проговорил он.

Я протянула ему руку. Он взял ее в свою – и между нами словно пробежал разряд. Мы пошли к машине, взявшись за руки. Многие нам удивлялись: мы вот так, вместе. В старшей школе два года разницы – пропасть. Особенно если вы в разных старших школах. Это как захотеть поговорить с кем-то на другой стороне Гранд-Каньона без громкоговорителя: можно только приставить руки ко рту.

Лонни развернулся и поехал назад по улице.

Я вытащила телефон и загрузила приложение «Майнкрафта».

– Если ты хочешь доставать меня весь вечер насчет того, что я не построила твои глупые ловушки, хоть посмотри, какой отвязный пол я выложила в теплице! – похвасталась я и сунула телефон Лонни под нос. – Ну, посмотри же!

– Бьянка, я за рулем! – рявкнул Лонни и оттолкнул телефон.

Завизжав покрывками, машина резко свернула налево. Оранжевое сияние заходящего солнца на мгновение ослепило нас, и машину чуть занесло; Лонни крутанул руль вправо, чтобы выправить ее. Потом мы запоздало поняли: навстречу нам несется что-то, а мы, наверное, проскочили на красный свет, но не могли разглядеть, что именно едет, солнце светило прямо в глаза. Неслось что-то большое. Все будто в замедленной съемке: секунды как годы, а из динамиков вдруг завопил механический женский голос: «Угроза столкновения! Рекомендую свернуть!»

Мое возбужденное состояние за секунду сменилось ледяным ужасом. Машина мчалась на нас, сворачивать было поздно. Когда она приблизилась настолько, что заслонила солнце, я разглядела лицо водителя, хоть и нечетко. У него были темные глаза, волосы торчали сосульками в разные стороны. Когда его зеленая машина ударила в нашу синюю, голова водителя дернулась назад. Я помню хруст металла, когда зеленое складывалось с синим, а синее наво-

рачивалось на зеленое, и все вокруг полетело: куски металла, стекла. А потом, казалось, даже свет раскрошился, брызнул лучами, обжег мои глаза и кожу. И запах дыма. И вкус крови. Что-то заскрежетало прямо в моем теле, будто выворачивало кишки наизнанку. Я подумала, что меня разорвало пополам, и повернулась, чтобы рассмотреть, что происходит, взглянуть Лонни в глаза и по их выражению понять, насколько все плохо. Но я не смогла его увидеть. Он будто испарился, осталась только я, а синяя машина и зеленая стали как одна скрученная штука, роняющая звякающее стекло – будто вокруг пошел дождь. Я вдруг поняла, что водитель другой машины прямо на мне, будто мы ехали вместе. Он был рядом. Я могла протянуть руку и дотронуться до него, и я попыталась. Но мои руки не двигались. Больше ничего не двигалось – но машины еще катились, постепенно расцепляясь. Я захотела вскрикнуть, позвать Лонни, но точно онемела.

А потом все пропало.

Глава 2

Надо мной – ореол света. Я перепугалась, затем поняла: это уличный фонарь. Наверное, я лежала на земле. Однако ничего не чувствовала: ни землю, ни свое тело. Я попыталась заговорить – рот не слушался. Надо мной склонилась хмурая женщина с пучком светлых волос на затылке. Она посмотрела вверх и изобразила ртом слова кому-то, стоявшему сбоку. Я не видела кому. Женщина говорила, но я ее не слышала. Я вообще ничего не слышала. Работали только глаза, и то... В общем, все в тумане, а голову не повернуть. Я могу смотреть лишь вверх.

Я попробовала шевельнуть чем-нибудь: пальцем, языком. Ничего. Может, я уже умерла, а дух ненадолго задержался, прежде чем уйти? Ну, туда, куда уходят духи. А может, и он не мог двинуться, нас обоих парализовало.

Женщина-блондинка была в рубашке с нашивкой и надписью: «Госпиталь Святого Ангела. Парамедик экстренной помощи». Она водила руками над моим телом. Не знаю зачем. Я ничего не чувствовала и даже не могла скосить глаза, чтобы посмотреть.

Интересно, я еще на месте аварии? Рядом ли Лонни? Он в таком же состоянии, как и я? А другой водитель? Что с ним? Знают ли мои родители и сестра? А может, я здесь и умру?

Мир дернулся, закачался перед глазами. Наверное, меня подняли и понесли. Исчез нимб света от уличных фонарей. Надо мной – темное небо, гораздо темнее, чем когда мы с Лонни покинули парк. Сколько времени я провела здесь? Минуты? Часы?

И тут начали оживать чувства.

Сначала я услышала голос парамедика: «В машину ее!»

Затем прилетел вой сирен, шум человеческой суеты, неразборчивые крики, безошибочно узнаваемый скрежет разгибаемого металла. Я услышала хруст гальки под ногами, подо мной что-то щелкнуло и встало на место. Меня повезли – медленно, осторожно. Звезды над головой развернулись.

Затем вернулись и ворвались в ноздри запахи: гарь, рыхлая земля, кислая резиновая вонь и что-то сладкое, приторное.

Я ощутила вкус крови во рту. Пошевелила языком, дотронулась до зубов – точнее, до их острых обломков и пустых распухших мест там, где обломков не было. Все отзывалось болью на прикосновения.

Донеслась новая волна звуков: стоны, визг, плач. Была сигнализация, а машинный голос уверял, что помощь в пути.

По блестящему ярко-белому боку скорой помощи плясали красные всполохи.

Я уже внутри. Там гладкий белый потолок, над головой – контейнеры, прихваченные металлическими защелками. Надо мной появились лица той леди-парамедика и какого-то парня. Одно лицо – улыбающееся, другое – хмурое, но я не могу понять, у кого какое: глазам трудно сфокусироваться, меня все время встряхивает, воет сирена. Наверное, мы несемся к «Святому Ангелу».

Мы выехали на ровную прямую дорогу, и мое зрение немного прояснилось.

Это парень. Он улыбался.

Затем меня подняли, и тут же обрушилась вонь антисептика. В госпитале – ярчайший белый свет. Неужели они не понимают, как неприятно глазам? Пусть бы рассеянный свет, как нимб от фонарей. Я закрыла глаза. Скрипели подошвы кроссовок – рядом кто-то бежал. Колесики тележки подпрыгивали на неровностях пола, поворачивались. Свет сочился в глаза и сквозь закрытые веки, а когда становилось темнее, наверное, кто-то надо мной склонялся.

Вдруг я стала чувствовать тело. Ощущение накатило волной, от пальцев на руках и ногах – словно мою кожу обдирали от самых ногтей. Все в мире превратилось в боль. Я завизжала. Каталка поехала быстрее. Боль переместилась в живот, перелилась в голову. У меня заболело

все без исключения: туловище, ноги, руки, шея, голова, рот, глаза. Меня будто пропустили через мясорубку. Я кричала не переставая, хотя горло от этого болело еще сильнее. Я не могла остановиться. Кажется, меня пытались успокоить: двигали, дергали, что-то говорили, но я не слышала ничего, кроме собственного крика. Различала только свою боль, то, как она бесновалась в моем теле, и подумала, что так, наверное, умирают. Я пыталась прокричать: «Уберите ее!»

Вдруг боль исчезла. И все пропало.

Я очнулась в палате с бежевыми стенами и вертикальными виниловыми жалюзи на окнах. Вокруг пищали медицинские приборы. По обе стороны от пластикового бежевого стола на колесиках стояли деревянные кресла с мягкой обивкой. Синее одеяло укрывало мое тело. Я не могла увидеть, что с ним. Но, судя по толщине ног, их обе одели в гипс. Да, круто. Я не видела и своих рук; попыталась двинуть ими и не смогла. Либо я осталась без них, либо еще не прошла анестезия. Кружилась голова, меня мутило, и, плюс ко всему, во всем теле металась приглушенная, саднящая боль. Я была одна. И все. Еще пищающие мониторы да запотевший розовый пластмассовый кувшин на столе. Но без стаканов. Я высунула язык изо рта: губы пересохли. Мне бы немного воды. Но глотка не слушалась, я не смогла бы никого позвать, даже если бы была не одна. Я попыталась шевельнуть пальцами. Ведь должна тут быть кнопка вызова, должен кто-то смотреть за мной и понять, что я очнулась, ухаживать за мной, рассказать обо всем. Но я не чувствовала пальцев. Они вообще у меня есть?

Интересно, как я выгляжу?

И где все?

И что случилось с Лонни?

Когда я очнулась опять, обнаружила, что смотрю на потолочную плитку – типично больничную, серо-бежевую. В моей затуманенной голове родилось слово «сержевую». Как мозаика перед глазами, хочется сосчитать плитки. Больше все равно ничего не видно. Свет приглушен, и трудно сказать, та же это палата, что в первый раз, или нет. Похоже, она меньше. Не так много пищит и пиликает вокруг. Наверное, это к лучшему. Я попыталась шевельнуться и опять не смогла. Я лежу ровно и не могу видеть свое тело. Может, мои ноги исчезли? Или все тело целиком? А вообще, может выжить одна голова?

Наверное, моя голова такая сдвинутая из-за лекарства. Да, сдвинутая. То самое слово.

Открылась и закрылась дверь, и я расслышала шепот мамы: «Как думаете, еще долго?»

– Миссис Маршалл, выздоровление будет нескорым и трудным: слишком обширные повреждения. Мы будем работать постепенно, и, вот увидите, все наладится. Рядом сдавленно заплакали, а мой папа сказал:

– Кэрри хотела повидать ее. Я заберу ее после школы и привезу.

Но Кэрри не ходит в школу по субботам. Я хотела спросить, о чем они, но поняла: сейчас точно не пятница и даже не уик-энд. Попыталась сказать «привет», а вышло вполне элегантное «пы-ы-ы». Да уж, речь у меня теперь как у жителя деревни из «Майнкрафта». Родители подбежали к кровати, ужасно довольные тем, что я могу издавать звуки.

– Привет! – попыталась я снова.

И опять вышло «пы-ы-ы».

– Бьянка, – тихо выговорила мама.

По ее щекам катились слезы, оставляли светло-коричневые дорожки в макияже.

– Как ты? – спросил папа.

Я попыталась кивнуть. Стало больно.

Подошла женщина в белом халате, родители отошли. У женщины были большие темно-карие глаза, на плече лежала черная коса. Когда она склонилась ниже, коса передвинулась и открыла табличку с надписью: «Др. Нэй».

– Здравствуй, Бьянка. Я рада, что ты проснулась, – выговорила доктор Нэй.

– Сколько я здесь? – хотела спросить я, но получились только стоны.

И, уж извините, слюна потекла. Встревоженная мама потянулась ко мне с бумажным полотенцем в руках.

– Со дня аварии прошла почти неделя, – ответила доктор Нэй, будто все поняла. – Твое состояние наконец стабилизировалось настолько, что мы решили тебя разбудить.

– Доктор, что со мной?

Она ткнула несколько раз в свой планшет, и камера, присоединенная к его краю, выдала голограмму – миниатюрную версию меня. На нее было жутко смотреть – будто я машина, а это чертежи.

– Бьянка, тебе очень повезло, – сказала врач. – Если бы то же самое случилось несколько лет назад, у нас не оказалось бы технологии, способной тебе помочь.

Я не чувствовала себя особенно везучей – вся в гипсе и прочее, – но поверила доктору на слово. Доктор Нэй потыкала в планшет, и голограмма засветилась красным в десятке мест. Жуткие новости: обе руки поломаны, перелом бедренной кости, три сломанные кости в правой ступне, два сломанных ребра, спавшееся легкое, сотрясение мозга. Я выглядела как кукла из игры «Операция» после неудачной хирургии.

– К счастью, ты у нас – боец, – заметила врач.

Что-то я не помню в себе способности с чем-то драться или хотя бы понять, кто рядом. Я не помню, как попала в эту кошмарную комнатку, где смердит антисептиком с хвойной отдушкой, лекарствами и мочой. Хотелось думать, что не моей – но, наверное, все-таки моей.

Врач склонилась надо мной и открутила клапан на прозрачном мешочке, откуда ко мне тянулась капельница. Я вдруг ощутила холод справа и улыбнулась: здорово почувствовать свою руку! Холод растекался по телу, сонное оцепенение накрыло меня как туман. Доктор Нэй разговаривала с родителями. Похоже, ей надо было о многом рассказать. Я пыталась слушать, но едва справлялась. Так трудно сосредоточиться. Вообще все делать очень трудно, будто плывешь против сильного течения. А затем свет опять погас.

– Третий раз – решающий, – проснувшись, подумала я.

На этот раз свет был ярче, я полусидела и могла видеть бежевую палату, мягкие кресла, пластиковый стол на колесиках и мокрый оранжевый кувшин на нем. Дежавю. Ну, почти – теперь в кресле сидел папа и читал журнал «ИнфоТех». Папа уже немолодой, а старается знать последние новости о всяких машинах. Ну, это его работа.

– Эй, – выговорила я.

На этот раз я сумела почти четко выговорить слово – и от удивления добавила что-то среднее между иканием и стоном. Да, вышло, мягко говоря, странно.

Папа почти выпрыгнул из кресла.

– Эй, ты как? – спросил он.

Я пожала плечами. Ну, захотела пожать. Вряд ли хоть какая часть меня шевельнулась вправду.

– Что случилось? – спросила я, хотя знала что.

Просто в голову не пришло лучшего вопроса.

– Тебя здорово помяло, – тихо выговорил папа, словно боялся мне навредить, заговорив в полную силу.

Он протянул руку и коснулся экрана пищедей машины. Я напряглась, но ничего не произошло.

– Ты пока полежишь здесь, – вздохнув, сообщил он. – Тебе сделали пару операций, наложили гипс.

Он положил свою теплую большую ладонь мне на лоб.

– Нам придется найти для тебя пластического хирурга, чтобы спрятать шрамы.

Наверное, я дернулась или вроде того, и он побледнел.

– Все не так уж плохо, – торопливо заверил он, усмехнулся и добавил: – Как говорится, ты уже не в лесу.

Папа хохотнул, стукнул журналом по пластиковому поручню, идущему вдоль края кровати, и отступил на шаг. Похоже, он больше не собирался разговаривать со мной.

– Лонни? – спросила я.

– Что? – спросил он и поморщился, словно от боли, моргнул пару раз и стал будто совсем больной.

– Бьянка, – тяжело выговорил он и умолк.

Открылась дверь, зашла доктор Нэй.

– Добрый день, Бьянка! Как себя чувствуешь?

– Так, будто меня переехали, – хотела пошутить я, но решила промолчать.

Папа отошел, чтобы доктор могла подойти ближе. Она взялась за висевший на шее стетоскоп, послушала мою грудь.

– Наконец хорошее дыхание.

А я что, плохо дышала? Или не дышала вообще?

– Она – чемпионка, это точно, – глядя на папу, проговорила врач.

Затем она посмотрела на планшет, который оставила на столе, пару раз стукнула пальцем по экрану. Над столом повисла смурф-версия меня, синяя и полупрозрачная. А доктор Нэй рассказала обо всех моих операциях. Их сделали, пока я была в отключке.

– Твои анализы с каждым разом лучше, – закончила доктор. – Тебе осталось лишь поправиться. А это значит, придется еще полежать здесь.

Отец печально посмотрел на меня, и я похолодела. Сколько же ему придется заплатить? И сколько я пропущу занятий?

– Мы даем ей самые сильные болеутоляющие, какие можем в данных обстоятельствах, – сказала доктор папе, – но медсестры говорят, что девочка просыпается каждые несколько часов и пытается пошевелиться. Она на пределе безопасной дозы, поэтому сейчас бодрствует и не ощущает дискомфорта. Но ей нужен полный покой.

Я не помню, как просыпалась, не помню боль. Но, судя по ужасу в папиных глазах, он видел, как я просыпалась.

– Я хочу сказать, что мы пока не можем дать ей больше, а она бодрствует... В общем, вечер может быть трудным.

Отец кивнул, стиснул зубы и вцепился в кроватный поручень так, что, наверное, мог бы его сломать.

– Я останусь с ней на всю ночь, – сказал папа. – Ее мать приедет утром. Мы справимся.

С тем доктор Нэй ушла. Папа поправил мои одеяла. А я понемногу начала ощущать тело – и поняла, о чем говорила врач и отчего так тревожился папа. Меня словно медленно погружали в лаву. Может, кто-то подумает: «Ну какие проблемы? Пусть отожжет палец на ноге или целую ступню – я выдержу». Но боль расползалась по всему телу. Я млела от боли. Было страшно даже взглянуть на папино лицо. Он не мог ничего поделать, и я страшно злилась на него за это, а потом на себя – ведь папа ни при чем, он тоже мучается, глядя на меня.

А еще потому, что кругом виновата я.

Когда я проснулась опять, было за полночь. Папа спал в кресле, журнал лежал на груди. Папа был в носках и похрапывал. Из-за приоткрытой двери – наверное, там комната медсестер – мне на лицо падал луч света. Я по-прежнему не могла найти кнопку вызова, но, судя

по всему, опять настало время принимать обезболивающее, потому что ощущение тела снова притупилось и боль стала как погасший уголь. Мне хотелось пить, но я не решилась будить папу. Он, наверное, долго не спал. Одежда вся измята, волосы совсем перепутались – обычно он аккуратно причесывался. Должно быть, папа сидел тут многие часы, если не сутки. А ведь кто-то должен был оставаться дома с Керри. Я вспомнила: папа говорил, что утром поменяется с мамой, так что, наверное, скоро он сможет отдохнуть.

Внутри себя я откровенно радовалась, что папа спит, и нельзя никого позвать. Ведь когда они поймут, что я пришла в себя и могу разговаривать, начнутся расспросы. Много расспросов. И тогда откроется, что я сделала и что во всем виновата именно я.

Кто-то закрыл свет из двери и тоненько прошептал: «Привет».

– Привет, – сумела выдавить я.

В палату вошел парнишка лет одиннадцати в пижаме с надписью Gamer 4 LIFE¹ и халате, усеянном светящимися рисунками планет.

– Кто? – прохрипела я.

Больше моя глотка не сумела выдать. Слишком больно.

– Я – Эй-Джи, лечусь в палате рядом, – сказал он, затем подошел ближе и замер, когда мой папа сильно всхрипнул.

Парнишка явно удивился, что в комнате есть кто-то еще. Эй-Джи подошел к машине с монитором и ткнул пальцем в экран. Похоже, так здесь принято общаться с пациентами. Надо самой так делать, когда случится зайти в чью-нибудь палату – если я смогу ходить, конечно.

– Я...

– Ты Бьянка Маршалл. Я знаю. Видел твою карточку, когда заходила доктор Нэй.

– Ох...

Он ухмыльнулся.

– Лонни... Элон Лоуренс, – выдавила я.

Мне это далось нелегко, уж поверьте. Эй-Джи сконфуженно покачал головой, колыхнул плотной курчавой шевелюрой.

– Нет, Бьянка – это ты, – медленно и раздельно выговорил он.

– Мой друг... мы были в машине... ему хуже... может быть...

– Хуже, чем тебе? – удивленно спросил мальчишка. – Но тебе совсем худо. Хуже, чем ты, наверное, только трупы.

Я подождала. Может, он засмеется, или ухмыльнется, или скажет: мол, пошутил. Но, похоже, он говорил правду о том, что видел перед собой. А в мою макушку вдруг пришла пронзительная боль. Да, он прав: если хуже, чем у меня, – не выживают. Если бы мне могли сказать про Лонни хоть что-то хорошее – уже сказали бы.

– Я могу тихонько залезть в кабинет к медсестрам и поискать его карточку, – предложил Эй-Джи.

От его слов щемящий страх, который поселился где-то у сердца, чуть утих. А может, это от болеутоляющего? Запищало, машины вокруг зажужжали. Пара секунд – и я почувствовала себя чуть лучше.

– Эй-Джи, спасибо.

Он повернулся, и я заметила предмет у него в руке.

– Что у тебя? – спросила я.

– Это, что ли? – он повернулся и показал белый пластиковый обруч. – ВР-очки, ну, виртуальная реальность.

Он подошел ближе, показал.

– Можно смотреть кино и всякое такое, но я играю в «Майнкрафт».

---

¹ Игрок на всю жизнь (англ.).

– Я люблю «Майнкрафт».

– Да ну! – прошептал Эй-Джи. – Как здорово!

– Мы с другом вместе строили миры, – сказала я, слегка удивленная тем, что могу так много говорить, и потом взглянула на ближайшую машину.

А, настало время очередной дозы обезболивающего.

Мальчишка моргнул и кивнул. Наверное, ждал, что я расскажу больше.

– Мы сделали много деревень с разными правилами, конфигурациями и всякое такое.

У парнишки просветлело лицо.

– Вправду? А я раньше просто играл на выживание! Хотя тоже использую моды, и некоторые сделал сам!

– Здорово, – выговорила я.

– Тогда попробуй эти очки, – предложил он. – С ними точно улет!

Не успела я ответить, как Эй-Джи шмыгнул ко мне и водрузил очки на голову. Дужки неприятно сжали виски. Хотя, если сравнивать с другими телесными ощущениями, – пустяк. В висках закололо, затем покалывание разлилось по лбу. И вдруг голову захлестнуло лютой болью, но я постаралась не застонать. Зачем расстраивать мальчика? Он думает, что делает мне как лучше.

Открыв глаза, я с удивлением обнаружила, что больничная палата исчезла, а в очках уже загрузилась игра – наверное, встала на паузу посреди сценария, который играл Эй-Джи.

– Сперва странно, – предупредил он. – Но скоро привыкаешь.

Он не шутил. В самом деле, очутиться внезапно посреди нового мира и чьей-то игры – обескураживающе. И там было куда ярче, чем в больничной палате, это точно. Невзаправдашние, по-мультяшному яркие краски – зеленая, коричневая, желтая, – они почти как оплеуха после стен цвета беж. Я осмотрелась. Кажется, я угодила в лесной биом, и, если долго смотрю на что-то, начинаю к нему двигаться, причем с резким стартом. К горлу подкатила тошнота. Я закрыла глаза и глубоко задышала. Мне хотелось выгрузиться, но нельзя же такое говорить мальчугану! Надо произвести хоть какое впечатление. Но ощущать себя головой без тела не слишком приятно, честное слово. Я снова попыталась двинуться – и в желудке что-то нехорошо дернулось.

– Тебя сейчас вытошнит? – спросил Эй-Джи.

– ...Нет... я...

– Наверное, тебе пока хватит, – решил мальчишка и без предупреждения сдернул очки.

Честно говоря, без них лучше не стало. От настоящего тусклого мира мне сделалось совсем дурно. Я повернула голову, чтобы не глядеть на Эй-Джи, и меня вытошнило.

Затем я попыталась вытереть рот краем одеяла. Парнишка попятился к двери. Отец шевельнулся, но не проснулся. Прибежала медсестра, посмотрела на мальчишку, на меня, снова на мальчишку и затем медленно подошла, чтобы обтереть меня. Рвота застряла даже в моих волосах. В общем, я не особенно целилась.

– Жуть, – процедил Эй-Джи.

– Возвращайся в свою палату, – велела медсестра. – Я приду, проверю. Ты же знаешь, тебе нельзя здесь разгуливать. И тем более лезть в чужие палаты.

Папа проснулся, выпрямился и попытался понять, что происходит.

Эй-Джи скорчил рожу и отступил к двери.

– Заходить и выходить непросто, – предупредил он и пожал плечами. – Не все могут. Но ты сможешь выгрузиться по-другому. Я покажу как. Но это, конечно, для нубов.

– Выходить откуда? – спросил папа.

– Это просто игра, – сказал Эй-Джи и показал очки.

Я обиделась на слова о нубах и захотела сказать, что смогла бы выйти нормально, но сейчас не в лучшей форме. Ну да, я лежу на больничной койке, превратившаяся в фарш, а медсестра стирает блевотину с моих волос.

Парнишка вышел в холл и скрылся из виду.

Нет, я ему покажу, на что способна! Я – вовсе не нуб.

Что я за игрок, если не сумею?

Глава 3

Я открыла глаза и увидела маму. Она с кем-то разговаривала. В палате было светлее, и мне показалось: я снова в игре. На пару секунд все показалось слегка нереальным: очертания виделись угловатыми, размытыми. Может, на меня так подействовал виртуальный мир Эй-Джея? А меня из него вышибли, не дав шанса привыкнуть.

– Я слышала, у тебя была тяжелая ночь, – произнесла мама.

Она подошла, помяла мои косички в руках и пристроила их поверх головы. Я пожалала плечами. Вернее, попробовала. Я еще не знаю, двигаются мои плечи на самом деле или нет.

Приблизилась доктор Нэй. Сегодня ее волосы были собраны в узел. Она печально вздохнула.

– Я слышала, ты встретишься с Эй-Джи, – сообщила врач. – Он знает, что ему не положено входить в чужие комнаты. Но порой увлекается и лезет куда не надо, особенно на смене дежурства.

За спиной доктора Нэй я заметила полицейского в форме. Он мялся у двери. Я вздрогнула, напряглась. Машина странно запищала, врач посмотрела на нее и нахмурилась, затем взглянула на полицейского и покачала головой. Тот кивнул и ушел. Через несколько секунд машина прекратила пищать.

– Пожалуйста, не злитесь на Эй-Джи, – попросила я. – Он лишь пытается подружиться.

– Бьянка, я понимаю, – сказала врач. – Но сейчас главное – твое выздоровление.

Она вывела с планшета новую голограмму – небольшой график с пиками и долинами.

– Вот видишь, Эй-Джи пришел около двух ночи, и у тебя сразу подскочили адреналин и пульс.

Доктор Нэй шагнула к голограмме, присмотрелась, указала на самый высокий пик и прищурилась, глядя на машину у моей головы.

– Ты помнишь, что случилось тогда?

– Меня вытошнило от игры, – призналась я.

– Какой игры? – удивленно спросила врач.

– «Майнкрафта». Эй-Джи показал мне VR-очки, и у меня закружилась голова.

– Что это значит? – спросила мама.

– Здесь, в детском отделении, у нас есть несколько компьютеров с виртуальной реальностью. Они помогают занять детей, которые остаются здесь надолго. Я не уверена, что Бьянка достаточно стабильна для погружения в VR.

Наверное, все правильно. Очки Эй-Джи скверно подействовали. Но мне так надоело пялиться в потолок или на очередную проклятую голограмму.

– А можно мне VR-очки? Пожалуйста!

Доктор Нэй покачала головой. Пучок на ее затылке затрясся.

– Только после тестов. Нужно удостовериться, что тебе не станет плохо. У тебя было сотрясение. Я не представляю, как виртуальная реальность подействует на твой мозг.

– Ладно, – согласилась я. – Но как насчет Лонни? Что с ним? Никто не говорит мне.

Доктор Нэй посмотрела на мою маму, та будто оцепенела.

– Ты должна сосредоточиться на своем выздоровлении, – указала доктор.

Я посмотрела на маму. С таким лицом не говорят, что у друга все хорошо. С таким лицом не хотят говорить, насколько все плохо. Мама не глядела мне в глаза. Она уставилась в пол, затем перевела взгляд на врача и снова потупилась.

На мою грудь будто легла гиря, я облилась холодным потом. Машины резко запищали. Прежняя колющая боль пробилась макушку. Я зажмурилась. Вокруг меня забежали, зашуршали подошвами, но слова странно исказились и стали глухими, словно моя голова куда-то перенес-

лась, а тело осталось в палате, и над ним хлопотали медсестры. Я думала, меня опять вырвет – но не вырвало. Когда я снова открыла глаза, доктор Нэй втискивала иглу в мою капельницу.

– Нет, – будто чужой голос выговорил моим ртом, – но слишком поздно.

Спала я, похоже, очень долго и проснулась в полной темноте. Парень вернулся и смотрел на меня.

– Хочешь поиграть снова? – спросил он.

В его руке болтались VR-очки. Я огляделась. Эта ночь казалась точным продолжением предыдущей, включая спящего в кресле папу, – будто целого дня не прошло.

– Какой сегодня день? – спросила я.

– Среда.

Я хихикнула. Я ведь не знаю, когда в прошлый раз просыпалась. Сравнить не с чем.

– Ты был здесь прошлой ночью? – уточнила я.

– Я здесь уже три недели.

– Нет, я в смысле... – сказала я и осеклась.

Так толку не будет.

Мальчик шагнул ближе.

– К очкам нужно привыкнуть, – сообщил он. – В первый раз почти никогда не получается, но во второй обычно лучше.

Я кивнула.

– Когда VR приспосабливается к новому пользователю, лучше закрыть глаза, – указал Эй-Джи. – Прости, я не сказал тебе в прошлый раз. Наверное, потому тебя вытошнило.

– Ну да. И мне не хотелось бы повторить тот опыт.

– Мне тоже.

Когда Эй-Джи напяливал на меня очки – кстати, гораздо осторожнее, чем в прошлый раз, – я зажмурилась. Теперь странное колотье, начавшееся в висках, разлилось по всему лицу. Меня захлестнул головокружительный вихрь, словно я падала куда-то, оставив тело. Я стиснула зубы.

Наконец вихрь унялся. Я открыла глаза и обнаружила себя в удивительном месте, похожем на отельное лобби, а передо мной плыл гигантский экран с меню, похожий на огромный игровой аппарат. Когда я глядела на что-то – или думала, что гляжу, – на экране мелькали обрывки фильмов и игр, звучала музыка.

Жутко: будто очки могут читать мои мысли. Я нашла в меню игры и выбрала «Майнкрафт». Дисплей переместил меня в начало игры, где я могла выбрать мир, аватар и опции.

– Кстати, в этой версии «Майнкрафта» есть несколько новых правил, – сообщил Эй-Джи. – VR-очки – не как большинство компьютерных приставок. Они синхронизируются с мозговыми волнами или вроде того и реагируют на мысли.

Я быстро ввела логин для мира, который построила вместе с Лонни. Набирать символы было просто – достаточно подумать о них, и все. Но машина не пустила меня в наш мир.

– Эй, а почему оно не позволяет мне залогиниться?

– Тебе придется использовать мир, в который ходят все дети госпиталя, – указал Эй-Джи. – Но не бойся. Я вкодировал туда классные легкие моды, ведь ты – новичок, и всякое такое. Например, в режиме выживания я включил устные команды на случай, если окажешься в переделке. Достаточно сказать...

– У меня не будет переделок, – раздраженно заявила я. – Я не такой уж нуб.

– Ты натошнила в свои волосы. Я же видел.

Я тяжело вздохнула, не желая признавать поражение.

– Я в смысле, если ты просто сдернешь очки, оно тебе намутит в голове. Поэтому надо выходить полегче. Как я уже говорил, я-то могу запросто выйти, и ничего, но не все, как я.

Ну, мелкий задавака.

– Ладно, буду полегче, – фыркнула я. – А как это?

– Нужно соорудить портал для выхода. Сгодится что угодно в виде портала. И нужно думать про выход тридцать секунд.

– Не шутишь? Ты, случаем, не придумал все это прямо на месте? – осведомилась я.

– Нет! Просто мозг нужно подготовить к выходу. Это вроде того, как игра не дает выиграться посреди боя. Есть мертвое время, запаздывание. А когда строишь портал, легче сконцентрироваться на идее выхода. – Он запнулся – наверное, присмотрелся к моему недоверчивому лицу – и добавил: – Я клянусь, оно так и есть. Это как визуализация или вроде того. И не надо выходить по-другому, если не хочешь блевотины в волосах.

– У меня не будет материалов для портала, когда я новичком зайду в игру, – заметила я.

– Материалы в инвентаре, – вздохнув, сообщил Эй-Джи. – Это все часть модов, которые я ввел.

Я услышала его шаги и сжалась от страха. Вдруг он снова сорвет ВР-очки? Но парень лишь наклонился и прошептал пароли для входа в госпитальный мир. Я посмотрела на кнопку «старт», и поле зрения почернело. В левом верхнем углу пробежала пара строчек кода – я их толком не рассмотрела, – а спустя момент под моими ногами во все стороны расстился мир «Майнкрафта»: множество разноцветных пикселей, яркий солнечный свет и нежное позвякивание игровой музыки. Я робко шагнула вперед – вдруг вернется тошнота? Нет, кажется, все в порядке.

Прогресс!

Я пришла в мир среди лесного биома. Холмы впереди заросли угловатыми деревьями, в долине, где я стояла, – трава и цветы. Слева несла синие квадратики река. Над головой плыли составленные из прямоугольных кусков облака. На другом берегу реки – снова трава и небольшая стандартная деревенька.

Я пошла к деревьям и заметила пару свиней. Подошла ближе и попробовала нагнуться к ним. ВР-очки сделали ровно, на что я надеялась. Я словно и вправду склонилась над животным и посмотрела на него. Свинья оказалась неожиданно большой. В смысле, она-то обычного размера, но, когда смотришь на экране, кажется крохотной. Странно видеть, что она настоящих свиных размеров. Тут целый мир вправдашних размеров. Похоже, он подходит мне, а я – ему. Не протянуть ли мне руку дружбы приятелю-свинке? Я протянула и увидела пару угловатых конечностей. Отлично! Конечно, я ничего не почувствовала, когда ладонь ударила свинью и та с визгом убежала.

После того как полежишь вся загипсованная недельку-другую, восхитительно снова управлять своим телом – пусть и составленным из блоков! Я покрутила головой, подпрыгнула пару раз. Связь между мозгом и аватаром безупречная! Я попыталась вспомнить, как ощущалось мое настоящее тело. Может, тогда я легче привыкну к нему, вернувшись в реальный мир. Но я не смогла вспомнить. В игре я – голова без тела. Жутко.

– Да, неожиданный бонус, – проговорила я, стараясь привлечь внимание Эй-Джи.

Но он не ответил. Интересно, я действительно сказала или только подумала, что сказала? Ведь я слышала – по крайней мере, в моей голове. Но считается ли это настоящей речью? Интересно, насколько я еще в реальном мире? Я попробовала думать о моих ногах и руках, закованных в гипс, попробовала шевелить пальцами. Мои игровые руки и ноги задергались, но я ничего не ощутила, кроме их движения. Может, нельзя быть одновременно в двух мирах: тут и там? А я двигаюсь по-настоящему, но не ощущаю?

Ладно, хватит про это думать – надо исследовать мир.

Я прошла мимо пасущихся овец и вскарабкалась на ближайший холм. Вдали мир еще раз развертывался. Деревня за рекой теперь казалась больше прежнего, по ней бродили, переговариваясь, несколько жителей. Их я проверю попозже. Сначала нужно перевалить за холм и посмотреть, насколько велик мир и с какой местностью предстоит иметь дело.

Может, я смогу закончить мир, над которым мы работали с Лонни. Вот будет сюрприз для него, когда мы оба выберемся из госпиталя! Здорово будет вспомнить вместе, как мы угодили в переделку, а то и посмеяться, как когда я шлепнулась с перекладины, а Лонни меня подхватил. Теперь я все и всегда буду делать по его плану. Я сказала себе, что обязательно буду делать, как придумал Лонни. Как здорово, наконец, хоть куда-то удрать из крошечной палаты с ее старыми креслами, пищащими машинами и вертикальными жалюзи.

Но как пусто в этом мире! Не с кем поздороваться, поговорить. Я осмотрелась, почти ожидая увидеть на соседнем холме Лонни. Вдруг он сидит там и мастерит, по обыкновению, что-нибудь очень полезное и здоровое? Когда я раньше попадала в игру, Лонни всегда был поблизости. А теперь вокруг – пусто. Только несколько запрограммированных животных жуют квадратную траву.

– Хоть бы ты был здесь, – вздохнув, прошептала я.

Животные все так же жевали траву, ничто не реагировало на меня и мои слова. Я посмотрела в верхний правый угол и открыла инвентарь. Прежде всего, просмотрела, все ли на месте. Конечно, я доверяла мальчишке, но лучше проверить, чем потом жалеть. Все оказалось как положено. Я выбрала еловую древесину и построила впритык к склону холма однокомнатный домишко с дырками для окон. Стекло поставлю позже. Я установила дверь, а затем вышла, прикидывая, что бы сделать еще. Но – увы – ни тебе творений Лонни, чтобы попортить, ни других игроков, чтобы поболтать. Все слишком спокойно. Хоть бы что-нибудь случилось.

Свет померк. Я забралась в дом, закрыла дверь и стала глядеть, как на мир опускается ночь. Однако звуки с темнотой не стихли. Вверх по склону прошла пара зомби, но они не приблизились к дому. Я переждала ночь, глядя на бредущих мобов, а когда рассвело, направилась в деревню. Мне хотелось посмотреть, что мальчишка устроил там, какие сделал моды. Или я попала в совершенно новый, нетронутый мир? Уж лучше бы такой. Даже без Лонни и его планов, и моего пробного мира – я хотела претворить в жизнь наши задумки, пусть неточно, по памяти.

Честно говоря, я едва не подпрыгивала от радости. Впервые за столько времени я могла ходить и предвкушала хорошее время.

Я могу сделать из этого мира все, что захочу! А хочу я сделать мир, которым мог бы гордиться Лонни!

Глава 4

Я понемногу привыкла к движению в игре, и мне по-настоящему захотелось полетать. Я дважды подпрыгнула на верхушке холма – аватар не взлетел в небо, а скатился на несколько блоков вниз. Значит, я не в творческом режиме, а в режиме выживания. Я вернулась на вершину и осмотрелась. С другой стороны холма вдалеке виднелось коричневое пятно – навверное, биом пустыни. Там не видно никаких жителей и поселений. Поэтому я пошла на север вдоль реки, мимо свиней и овец, рощ и лугов с цветами. Далеко впереди они сменялись зеленью. Значит, болото. Но я исследую его позже. Пока лишь хочу проверить деревню на другом берегу. Я посмотрела в ту сторону – и весь мир повернулся подо мной в сторону деревни близ моей новой базы.

Бежать в игре, видимой сквозь ВР-очки, восхитительно! Мир так и несется по сторонам, а радость от возможности стремглав бежать пьянит. Я почти вообразила, что меня несут неправдашние ноги, толкают сквозь мультяшно яркий пейзаж.

– Оптическая иллюзия, – произнесла я вслух.

Я знала, что лежу на больничной койке, а мир вокруг – проецируемое изображение, ограниченное полем зрения очков. Все – обман зрения. Нереальность.

Это напомнило мне курс об оптических иллюзиях, который в восьмом классе нам читала учительница физики, миссис Франклин. Мне курс безумно нравился. Там было про куб Неккера – двухмерную картинку, которую можно видеть и так и эдак, в зависимости от того, какую грань решишь считать «передом». А иллюзия Геринга показывала, как прямые линии можно сделать на вид кривыми и даже передвинуть с помощью умело размещенных лучей. Но мой любимый – это «Вращающийся змей», разноцветный круг. Он кажется движущимся, когда смотришь на него краем глаза. Это выглядит магией, словно у цветов собственный мозг, читающий мои мысли и знающий, когда я отворачиваюсь, и тогда резвящийся в свое удовольствие. Даже когда мы прошли иллюзии, я продолжала рисовать «вращающихся змеев», воображая, что они по-своему пытаются общаться со мной.

– Зрение – один из главных наших способов получить информацию о мире вокруг, – говорила миссис Франклин. – Но помните: глаза можно обмануть, равно как и мозг.

Я остановилась на берегу реки, ударила по ближайшему цветку – и ничего не случилось. Да, здесь все – иллюзия.

Дальше синие кубы обозначали узкую реку, коричневые и зеленые кубы за синими – другой берег. Если бы я захотела, могла бы сосчитать, из скольких кубиков состоит мир. Но зачем портить удовольствие? Это было бы как пойти на представление фокусника и вслух громко описывать технику каждого фокуса. Во-первых, хамство, а во-вторых, портит эффект. Пусть это иллюзия, но я была счастлива стоять у иллюзорной реки, вместо того чтобы лежать среди опостылевшей реальности.

С этого берега деревня выглядела привлекательной. Я установила верстак, мысленно поблагодарила Эй-Джи за полный комплект материалов в самом начале игры и наделала досок. Затем сотворила то, что мне казалось прочной, надежной лодкой. Когда я заканчивала работу, ко мне подошла овца и посмотрела вверх. Не на меня – просто вверх. А я поплыла через реку.

– Эй, парень, надо признать – ты сделал круто, – сказала я вслух, надеясь, что Эй-Джи услышит меня в реальном мире.

Овца уковыляла прочь, Эй-Джи ничего не сказал.

Пока лодка плыла, я глядела на воду. Мне захотелось опустить в нее руку и ощутить прохладу, но я знала, что ничего не почувствую.

– Иллюзии, иллюзии, – проговорила я вслух и рассмеялась, – впервые не знаю за какое время.

Лодка доплыла и остановилась, я выпрыгнула на берег. Вблизи деревня казалась намного больше, чем с холма. Меня сразу заметили жители, и вокруг моментально собралась бормочущая едва различимыми голосами толпа.

Хм, пара наблюдений. Во-первых, все одного роста. Я невысокая и обычно смотрю на людей снизу вверх. Так что оно странно. Во-вторых, все уставились на меня пустыми, ничего не выражающими глазами. Мне казалось, я к ним привыкла по игре, но теперь пустые взгляды сквозь меня, как сквозь стекло, оставляли впечатление неприятной холодности и равнодушия. Я протолкалась через толпу жителей и направилась к первой цели – дому мясника со скамейкой впереди и загонем для свиней позади. Все обычно, но я не ожидала настолько реалистичной картины. Дверь даже скрипнула, когда я зашла внутрь. Мясник посмотрел на меня и забормотал, но я не ответила, и он вернулся к своему занятию за прилавком. Я подумала о мясе, которое могу купить, и, хоть вокруг были иллюзии, в моем животе взаправду забурчало. Эх, когда я в последний раз ела нормальную еду? И что случилось с моими пирожными? Конечно, меня кормили всем нужным через капельницу, но отчаянно захотелось сэндвича с ветчиной!

Я выбрала кусок, и подошел мясник. Над его головой выскочило окно диалога, я купила и вышла. Мясник пробормотал что-то мне вслед.

Удовлетворив виртуальный голод, я выбрала место за деревней у реки и начала работать над первой фазой капитального плана Лонни: добыча обсидиана для портала в Нижний мир. Все знают, что, если вода попадет на блок лавы, получится обсидиан. Большинство игроков просто носят ведра с водой в пещеры, но у Лонни всегда была страсть к драме. Он придумал копать до тех пор, пока не пробьешься к лаве, а затем направить в яму целую реку.

– Ты только представь: водопад в лаву и – БУ-УМ! Обсидиан на целые дни, – сказал Лонни, показывая мне план.

– Эх, Лонни, как бы я хотела увидеть тебя здесь, – прошептала я.

У него работа пошла бы куда быстрее. А если бы я могла закатать рукава в «Майнкрафте», я бы закатала.

– Давай-ка за дело, – приказала я сама себе и потерла ладони.

Хотя не совсем – мои руки не соприкоснулись, но двинулись так, будто я собралась играть в «камень-ножницы-бумага» с очевидным ничейным исходом. Конечно, такие руки – не подарок, но в пиксельном существовании есть большие преимущества. Я вынула из инвентаря кирку и начала копать канал от реки.

После нескольких минут работы я почувствовала на себе взгляд. Понятно, я в игре, и все вокруг – иллюзия. Но ощущение было как от настоящего взгляда в спину – когда кто-то пылится тебе промеж лопаток через всю комнату.

– Смешно, – укорила я себя, – ведь это игра.

Но все-таки обернулась.

С берега реки, с того места, где пришвартовалась моя лодка, на меня глядел житель в темно-синей рубашке с большим косым крестом спереди. Я пару раз моргнула. Может, у меня что не так в голове или игра пошла тяжело для моих нервов? Житель просто стоял и смотрел.

Меня кольнуло подозрение, по спине побежали мурашки. Я знала кое-кого точно с такой тенниской.

– Э-э, Лонни? – позвала я.

Я почти ощущала холодный пот на коже. Как такое возможно? Это ни разу не аватар Лонни. Ни модированной кожи, ни шапок. Но, несомненно, этот житель – странным образом Лонни.

Странно одетый житель вдруг ушел в деревню.

– Эй, подожди! Вернись! – крикнула я.

Я кинулась вслед. Мысли лихорадочно метались в голове. Может, сбилось, когда Лонни загрузался, и его как-то засунуло в деревенского жителя?

Я побежала по мощеной улице мимо домов и магазинов, свернула прочь от реки, к моему жителю. Но на каждом повороте он убегал от меня, неся в другую сторону. Я мчалась следом, пока не сбилась с пути, и пришлось высматривать холм, чтобы с него увидеть реку и свою базу за ней. Я свернула в проулок, сделанный грубее остальной деревни, и обнаружила в тени здания моего жителя. Я шагнула вперед – и он шагнул вперед, прочь от меня, шаг в шаг. Я шагнула вбок – он тоже. Но теперь он вышел на свет, и я убедилась: тот самый, в синей рубашке и с большим косым крестом на ней. В мою кровь плеснул адреналин – я ощутила почти взаправду. Пару секунд поболела голова, но боль тут же ушла.

Пока не появился этот житель, я прекрасно чувствовала себя в игре. Но кто он и откуда? В ушах тяжело застучала кровь. Я судорожно глотнула воздуха, напряглась, стараясь не выпустить из себя подкатывающий к горлу тошнотворный ком.

– Лонни, что с тобой случилось? В какую палату они засунули тебя?

Житель пошел ко мне неуверенными мелкими шажками, словно боялся; шел беззвучно – и свернул в сторону. Аватар в самом деле походил на Лонни: темная кожа, серые глаза. Я присматрелась, пытаюсь распознать характерные движения, приметы Лонни из реального мира. Когда я подошла, он поднял голову и посмотрел прямо на меня. Я аж отскочила.

– Привет, Земля вызывает Элона! – выпалила я, назвав настоящее имя Лонни. – Ты отключил звук, или что?

Я ждала, напрягая слух и пытаюсь различить что-нибудь, кроме музыки и обычного игрового шума. Я посмотрела на интерфейс. До сих пор я взаимодействовала только с мясником, и, когда тот приблизился, выскочила иконка с полосой его здоровья и окно-диалог торговли. У этого жителя ничего не выскочило. Может, сбой или новый тип моба, взаимодействующий с остальными не так, как раньше. А может, это свойство игры в VR-очках, поэтому я его не понимаю.

– Ну, ты стопроцентно жуткий, – ответила я и попыталась дотронуться до его волос.

Лонни отстранился, притом глядел на меня тупо и равнодушно – как обычный житель. Да уж, невесело. Но главное – это Лонни!

– Раз ты здесь, мне там, у реки, нужна помощь, – заявила я.

И направилась к моему каналу. Удивительно, но Лонни поплелся следом, хоть и не сказал ни слова. Холмы, где я построила домик, были прямо впереди, значит, река чуть правее. Я шла по улице, распахивая жителей. Те поворачивались в мою сторону, но глядели будто не на меня – как и свойственно местным поселянам.

Я пришла на берег и быстренько сотворила вторую лодку для Лонни, велела залезть туда, а сама встала в свою. Пока мы гребли по реке, я смотрела на деревню. Как обычно: яркая, светливая.

Когда вернусь в реальный мир, первым делом выпытаю у медсестер, где настоящий Лонни. А пока мне хватит и его помощи. Еще будет время расспросить, что в реальности и как. Пока я хочу исследовать мир и строить вместе с лучшим другом.

Сейчас – время играть!

Глава 5

– Осторожнее с лопатой! – крикнула я. – Мы уже близко.

Я стояла на краю огромной ямы у нового пруда, готового выпустить в раскоп воду, и смотрела вниз. Работа Лонни – докопаться до первого уровня лавы и быстро убежать наверх по специально выбитым ступенькам.

Я объяснила Лонни, как и где копать, и он послушно взялся за дело. Но, похоже, ничего не понял, стал копать прямо вниз, вместо того, чтобы сделать пологий склон и затем вовремя убежать. Аватар или нет, но не хватало еще, чтобы Лонни поджарился.

– Медленней! – снова заорала я.

Вдруг зашипело, хлопнуло, и из проделанной дыры брызнула лава – Лонни стоял и тупо глядел, как языки пламени лижут его одежду.

– Идиот, что ты делаешь? Беги!

Он встрепенулся, будто не вид лавы, а мой голос предупредил о грозящей опасности. Лонни кинулся по ступенькам. Лава буквально текла по пятам.

Я покачала головой: с этим аватаром что-то не в порядке. Он ведет себя совсем не как Лонни, которого я знаю. Может, у него сеть тормозит или дело в очках?

– Ты пробовал выйти и перезагрузить очки? – спросила я.

Никакого ответа. Лонни просто стоял на краю дыры и смотрел через пропасть.

Я ударила топором по перемычке и увидела, как мощный водопад хлынул в дыру, прямо в лаву – и часть ее блоков стала чернильного цвета. Скоро у нас будет обсидиана на двадцать порталов в Нижний мир! А если верить Лонни, это здорово. Я улыбнулась: хоть раз, а смогла, взяла и точно исполнила план.

– Строить ловушки – такая морока, – стуча по клавишам, пожаловалась я. – Почему бы нам не пойти и не поохотиться на странников Края, как делают остальные?

Я сощурилась, глядя на схему, намалеванную Лонни.

– Ловушки эффективнее, – сказал он.

– Эф-что? – спросила я.

– Эф-фек-тив-нее! – выговорил Лонни. – Это значит, больше добра за те же бабки. Не каждый странник роняет жемчужину. Мы часами бегаем за ними или строим ловушки и начинаем сразу с третьего шага нашего плана.

– Ох, мистер словарь, простите меня, – картинно закатив глаза, простонала я. – А вот мне случайно нравится бегать и бить. Я думала, в этом суть игры на выживание.

– Это если ты нуб с двумя днями опыта в Верхнем мире. А я хочу большего.

С тем Лонни сунул мне новую пачку исчерканной бумаги, над которой сидел часами. Я взяла и прочитала накорябанную куриным почерком Лонни фразу на первой странице: «Как попасть в Край за пять шагов».

– Край? С какой стати нам попадать в самый конец «Майнкрафта»?

– Потому что там настоящие боссы! – чуть не хрипя от энтузиазма, выдал Лонни. – Посмотри-ка!

Он открыл гайд по «Майнкрафту», взятый в библиотеке. В книге была заложена страница на рисунке черного дракона с фиолетовыми глазами и серыми перепончатыми крыльями. Я прочитала по дракона Края, и у меня отвисла челюсть. Конечно, такое надо увидеть собственными глазами! Он – самый крутой из всех боссов всех игр!

– Хочу его приручить, – прошептала я.

– Его не приручают, а побеждают! – заявил Лонни и захлопнул книжку перед моим носом. – Но победить его мы сможем, лишь когда заготовим припасы, тщательно все спланируем и исполним план от точки до точки! Думаешь, справимся?

– Подготовиться, запланировать и исполнить, – повторила я и пренебрежительно махнула рукой.

Меня отвлекла корова, забредшая на мою территорию. Мне как раз была нужна кожа.

– Ладно-ладно, я попробую.

Я вернулась к своей хижине, решила собраться с мыслями. Селянин Лонни тащился за мной как тень, равнодушный, будто манекен. Все признаки жизни, которые я видела – или мне показалось, что видела, – наверняка были игрой воображения. Очередной иллюзией. Да ну его! Лучше поработаю немного над своим логовом. Голые стены, земляной пол и окна без стекол – не самый уютный вид. Я добавила кровать и обыкновенный сундук. Как раз вовремя – уже начало темнеть. Надо передохнуть и подумать, что меня ждет в этом мире.

Я успела зажечь всего один факел, как услышала стон зомби снаружи. Если играешь с монитором, приходится выходить, чтобы понять, откуда доносится звук. Но в ВР-очках направление определялось просто. Зомби стоял сразу за южным окном. На одного зомби можно не обращать внимания, однако вскоре явился второй, третий. Кажется, они все шли к дому, хотели достать именно меня и не обращали внимания на Лонни. А он стоял как столб посреди комнаты, не двигался, не говорил – просто пялился на стену. Наверное, Лонни снял очки и не выгрузился. Да уж, хорошая помощь в мой трудный час. Лучше некуда! Я построила всего одну комнату, стекол нет – значит, настала пора рубить зомби. Я схватила меч и выскочила наружу, готовая к драке.

Но я не ожидала такого количества зомби.

И, честно говоря, вблизи эти ВР-зомби выглядели страшнее прежних, экранных. Обычно я просто не обращаю за них внимания. Они скорее раздражают, чем угрожают. Но мне вдруг захотелось погеройствовать, а зомби заполнили весь склон. Я усмехалась, прорубаясь сквозь толпы зеленых парней, точно амазонка, – понятно, все только в моей голове. На самом деле я наверняка выглядела жутко, и если бы кто-нибудь посмотрел на мою игру, наверное, помер бы со смеху. Но я орала и рубила, развлекалась по полной, пока один из этих типов не стукнул меня, и шкала здоровья наверху не уменьшилась на полделения. Я разозлилась – и рассмеялась.

Я снова подняла меч, полная решимости прорубиться. Со всеми воплями и рубкой я завалила лишь трех, зато на целых три заботы теперь меньше. Я кинулась на зомби, стоявшего близко к входной двери. Его зеленая слизь шлепнулась наземь, рассыпалась маленькими пикселями, те попадали и в секунды исчезли. Затем я развернулась и ударила подошедшего сзади. Брызнула та же зеленая слизь. Я повернулась к третьему, но опоздала. Он схватил меня за руку, и я снова увидела, как теряю хит-пойнты.

Когда я опять взмахнула мечом, клянусь, он показался тяжелее, и его было труднее держать в руке. Такого сходства с реальностью я не ожидала и все равно, стиснув зубы, рубанула изо всех сил. Я попала посреди туловища зомби, ударившего меня. Он умер. Но вниз по склону шли новые. Наверное, время отступить.

Я скользнула мимо зеленой лужи от своей последней жертвы и направилась к лесу. Там легче спрятаться.

Увы, не повезло – навстречу мне выступила пара скелетов. С первым я расправилась косым ударом сверху вниз, от плеча до пояса, но второй успел засадить в меня стрелу, отшиб назад и не дал ударить. На этот раз не было нужды смотреть на шкалу: я знала, что потеряла деление, а может, и два. Я очень замедлилась – словно перезагрузилась на самой медленной скорости Интернета, почти как через старую телефонную сеть, с дозвоном.

Подумать только, меня убивал один-единственный скелет! Орда зомби узнала, где я. Мне пришлось спасаться бегством, и я чудом взобралась на вершину холма. Мой уровень энергии получил шанс чуть подняться, и я стремглав, будто перепуганный котенок, сбежала в соседнюю долину. Там переключилась с оружия на недавно выменянную свинину и съела ее, чтобы поднять свой потихоньку снижающийся уровень энергии.

Я обнаружила, что тяжело дышу, хотя понимала, что на самом деле не бегу, а передо мной мелькают картинки. Но то ли из-за орды зомби, то ли из-за необходимости быстро сообщать, отбивать атаки и нападать я чувствовала, как в моих ушах тяжело стучит кровь – по настоящему, в реальном мире. Оттого в игре слышался странный, отдающийся эхом звук.

Новая порция зомби и скелетов двинулась в моем направлении. Я не знала, что делать, и запаниковала, вспомнив о Лонни, который остался в хижине. Нужно пробиваться к нему. Но он вдруг сам объявился рядом. Наверное, перезагрузился в игре!

Я схватила его за руку и заорала: «Время бежать!»

Мы бежали, пока местность не изменилась – роскошную зелень сменила тусклая бурая земля с колючими кустами там и сям. Пустыня. Тут негде укрыться, а моя энергия неуклонно уменьшается, еды не осталось, и я непрерывно подвергаюсь атакам. Хорошие новости: небо начало светлеть. Но до рассвета еще далеко. За очередной дюной я заметила кого-то, похожего на жителя деревни в коричневой одежде, отбивающегося от своей толпы зомби. Мне хватало собственных проблем, я решила отойти подальше, но чужие зомби тоже двигались, и обе группы соединились.

Тот, кого я приняла за жителя, повернулся ко мне и закричал:

– Стой и дерись! Я помогу тебе!

Я слышала, как стонут зомби и бормочут жители. Но слова? Я застыла от изумления.

– Не стой просто так, вынимай оружие и дерись! – снова прокричал игрок.

– Ты настоящий? – тупо спросила я.

– На это нет времени!

Игрок приблизился, и я поняла, что на нем кожаная броня. Он предложил меняться: деревянный меч за просто так. Лучшая сделка, которую мне предлагали. Я схватила меч, встала рядом с игроком и принялась рубить так сильно и быстро, как могла. Но мой приятель в кожаной броне убивал вдвое больше за то же время. До рассвета мы перебили всех врагов и остались одни посреди пустыни.

– Я не знала, что кто-то еще в игре, – признался игрок, спрятал меч и представился: – Я – Эсме.

– Я – Бьянка. Я тоже думала, что одна здесь. Но потом нашла Лонни.

– Кого?

– Моего друга, Лонни.

Я повернулась и указала, но, к моему изумлению, Лонни будто испарился. Он пропал где-то на пути в пустыню.

– Эй, брось! – закричала я в пустоту, будто он мог слышать меня из игры. – Лонни, как ты можешь так выгружаться и бросать меня!

– Ты, э-э, в порядке? – спросила Эсме.

– Нет! – огрызнулась я, но потом добавила уже спокойнее: – В общем, да. Но, клянусь, мой друг был здесь минуту назад.

– Тут нас бродит несколько, – заметила Эсме и пожала плечами. – Он может и появиться. Все заходят, когда позволяет график лечения. Нужно ведь оставить и докторам с нянечками время тыкать и щупать.

– Ты тоже пациент? – спросила я.

– А ты разве нет?

– Да, я разбилась на машине, – выговорила я и замолчала. Потом надумала спросить: – Может, ты знаешь о парне по имени Элон Лоуренс? Он поступил в то же время, что и я. Ему пятнадцать лет, темная кожа, серые глаза.

– Нет, не знаю. А как давно он поступил?

Я подумала, что слишком долго лежала без сознания и не знаю, сколько прошло времени.

– Я не уверена, – выговорила я. – Может, несколько дней, а то и пару недель.

Я вкратце рассказала о случившемся: как машина выскочила из ниоткуда и врезалась в нас, а мы ничего не могли поделать.

– Ох, оно куда круче, чем просто заболеть, – прокомментировала Эсме. – Они поехали на красный?

К моей глотке подкатил тошный ком. Я ведь не рассказала про свой мобильник. Мне не хотелось думать, что это мы могли проехать на красный.

– В любом случае, если узнаешь про него, пожалуйста, скажи мне, – попросила я.

– Конечно. Однако, если ты тут, самое большее, две недели, откуда очки? Обычно их не дают, пока не пробудешь месяц. И это самое меньшее.

– Мне их принес паренек, – объяснила я. – Он забрел в мою комнату.

– Наверное, Эй-Джи?

– Ну да, он.

– А, так он наш лучший вербовщик, – заметила Эсме. – Он всегда пытается затянуть новых людей в игру, чтобы повыпендриваться. Хотя приятный парнишка, слов нет.

– Так сколько сейчас людей в игре?

– Прямо сейчас? Думаю, трое, – ответила Эсме.

– Ты, я и...

– И Антон.

– Кто это? – спросила я.

– Ты скоро встретишься с ним, – ответила она и пошла к другому краю пустынного биома. Я поспешила следом.

– А с чем ты здесь?

– Химиотерапия, – ответила Эсме так, будто отвечала на вопрос о любимом цвете. – Мы надеемся, что этого курса хватит и рак вылетит из меня раз и навсегда.

– Ох, я надеюсь, что так, – пробормотала я.

Ну, что тут скажешь? Перед таким все слова кажутся кривыми и беспомощными.

– Он – вроде моего главного босса в игре, – пожал плечами, заметила Эсме.

Она нахмурилась, на мгновение ее взгляд затуманился, словно она задумалась о другом. Затем Эсме снова уставилась на меня.

– Как долго ты в игре?

– Не так уж долго. Эй-Джи пришел с очками для меня ночью.

– Ты выгружалась? Еще была ночь, когда ты выгрузилась?

– Но я еще не выгружалась, – ответила я. – Думаю, рано или поздно кто-нибудь придет и снимет с меня очки.

– Так ты еще не сделала выходной портал?

– А, так Эй-Джи серьезно про метод выхода?

Эсме молча глядела на меня, и я добавила:

– Когда надо, тогда и сделаю. Не вижу причин спешить.

Эсме смерила меня взглядом и покачала головой.

– Эта версия «Майнкрафта» особенная. Очки читают сигналы с наших синапсов в мозгу. Разве ты не знаешь этого? Наша игра – не просто стук по клавишам.

– Да, я в курсе, – солгала я.

– Поэтому, когда заходят не знающие правил новички, они могут сильно попортить мир.

– Я не нуб, – отрезала я. – Эй-Джи уже рассказал мне.

– Ну да, только он не рассказал всего. Ты ведь не из тех, кто любит все обдумывать? Послушай меня: ты не готова. Выгрузись, подожди еще пару недель, и добрый доктор вручит тебе очки и учебник по ним. Иди назад, к своей уютной кровати и мультяшным персонажам на стенах.

– Моя палата не такая, – заметила я. – Стены просто бежевые.

Эсме помолчала, затем выговорила:

– Слушай, как с тобой должно быть скверно, если они не положили тебя в палату с клоунами на стенах.

– У меня почти все тело в гипсе. Меня сильно поломало.

На глаза сами собой навернулись слезы. Мне вдруг захотелось свернуться калачиком и зареветь. Случилось столько всего страшного! Я бы заревела, но не перед незнакомкой же в «Майнкрафте». К счастью, аватары не очень подходят для выражения эмоций. Я быстро взяла себя в руки.

– Может, ты покажешь мне, что к чему? – предложила я и добавила: – Я быстро учусь.

Аватар Эсме замер: его хозяйка задумалась.

– Ладно, иди за мной и делай, как я. Мы пойдем говорить с Антоном.

Глава 6

Я пошла за Эсме по пустынному биому. Как она ориентировалась и куда направлялась, непонятно.

– Куда мы идем? – наконец спросила я.

– В логово Антона. Они с Эй-Джи помогли выстроить много модов в этом мире. Антон может научить, как не дать мозгу напортачить в игре.

– Что значит «напортачить в игре»?

Эсме вздохнула, будто говорила с кем-то намного глупее ее.

– Эта версия «Майнкрафта» управляется прямо нашими мозгами...

– Да, это я поняла, прозрачно и ясно! – огрызнулась я.

– Но это и общий мир, все наши умы – на одной площадке.

– Ну да, и что? – сказала я, пытаюсь понять, что к чему.

– И что? Представь: ты зашла в песочницу, а у тебя на ботинках собачьи какашки. Ты занесла их в песочницу, и они испортили игру всем. Нубы, которые не понимают, что делают, всегда заносят какашки. Конечно, нубы этого не хотят – они просто не знают, что нужно проверять ботинки.

– Поэтому ты мне и помогаешь, – сказала я. – А я уж проверю свои ботинки.

– Ну да, помогаю – пока, – проворчала Эсме.

Она по-прежнему упрямо топала по песку, и мне стало жарко – надо думать, от злости и раздражения. В самом деле, не могло же меня разогреть цифровое солнце?

Не останавливаясь, Эсме открыла инвентарь и сбросила мне под ноги кусок свинины. Я подхватила, съела, и мое здоровье улучшилось.

– Спасибо! – сказала я.

Если Эсме и услышала, то не отреагировала. Некоторое время мы шли молча. Затем я попробовала начать разговор.

– Я бы сейчас с удовольствием съела настоящую свиную вырезку. А ты что любишь есть?

– Я много не ем. В смысле, в реальном мире. Тошнит.

– Отчего? – спросила я.

– Химиотерапия. После нее меня тошнит от еды, запахов, иногда даже от воды, – ответила Эсме и отошла покопаться в дюне.

Я подождала. Может, Эсме скажет что-нибудь еще? Но она молчала.

– Извини, – сказала я.

– Ничего. Ты ведь не знала.

Эсме отступила, чтобы я могла увидеть красный камень, который она откопала для меня.

– Спасибо! – поблагодарила я.

– А как насчет тебя? – спросила Эсме. – Давай снабди меня всеми живописными деталями.

Я попыталась вспомнить длинный список поломанных и побитых частей тела, который огласила доктор Нэй, когда показывала голограмму.

– У меня уже была куча операций и, наверное, будет еще больше, – сказала я, делая вид, что это пустишки.

А сердце заколотилось. Надеюсь, Эсме не слышит. А что, если мне не позволят оставаться в «Майнкрафте», пока продолжаются все эти процедуры?

– Вот встретим Антона, и увидишь, как оно бывает, – простодушно сообщила Эсме. – Уж точно, он тебя перешагивал.

– В смысле?

– Сколько бы у тебя ни было операций, они не настолько жуткие, как операция на мозге у Антона, – проговорила Эсме, как мне показалось, не без гордости.

Затем она переключилась с кайла на меч.

– Мне нужно лучшее оружие, – сообщила я. – Эй-Джи дал мне только простейшее.

– Ну да, было бы неплохо, – согласилась она.

За следующей дюной стоял одноэтажный каменный дом со стеклом и обсидианом наверху и плотной изгородью кактусов вокруг. Свободной оставалась лишь длинная тропа, ведущая к двери.

– Стой! – велела Эсме.

– Что такое?

– Ловушки. Антон крут по части ловушек.

Она двинулась вперед, я по пятам за ней. По обеим сторонам тропы – масса рычагов, блоков из красного камня, обсидиана, лавы и взрывчатки. Их все соединял открытый провод из красного камня.

– Да, длинно и сложно, – заметила я.

– Ну, это для тех, кто не знает дороги, – отозвалась Эсме.

Она махнула рукой, и я стала прыгать следом с одного блока на другой, даже когда казалось, что очередной блок взорвется под ногами. Она перепрыгнула с обсидианового блока слева от дорожки на блок песчаника справа. К тому был присоединен рычаг – но ничего не произошло. Затем Эсме перепрыгнула на блок взрывчатки, обернулась и сообщила: «Это фальшивка». Я кивнула и запрыгала следом, а Эсме перепрыгнула на другой блок из песчаника, перескочила лаву и приземлилась на коротком открытом участке перед дверью. А я вздохнула с облегчением, добравшись до конца опасной дороги. Эсме открыла дверь, и я прыгнула на площадку, но приземлилась не совсем там, где Эсме.

За спиной взорвалось. Я обернулась. Путь превратился в каскад разрывов. Взрывались блоки, хлестала лава, мне в лицо брызнули искры.

– В дом! – заорала Эсме.

Я шагнула внутрь, закрыла дверь и отошла вглубь зала – лава прожгла себе путь и просочилась внутрь. Затем я взбежала наверх по лестнице вслед за Эсме. Лава залила весь пол.

– Да что тут делается?! – раздался голос сзади.

Я обернулась. Из задней комнаты выскочил игрок в зеленом и побежал к нам.

– Что вы обе сделали? – заорал он и кинулся в боковую комнату.

Пару секунд спустя я увидела его через окно. Он выскочил из дома и стал возиться с чем-то за кактусом. Взрывы прекратились. Игрок замер в нерешительности, затем пошел осматривать повреждения. Шел и качал головой. Когда он вернулся, лава отступила до середины зала.

– Это кто? – спросил Антон и указал на меня рукой.

– Я – Бьянка, – ответила я.

– Это Бьянка, – сказала Эсме. – Бьянка, это Антон.

– Бьянка, ты только что уничтожила работу нескольких дней, – сообщил Антон.

– Извини. Я случайно.

– Зачем ты привела ее сюда? – спросил Антон у Эсме.

– Выходит так, что... – начала она.

– Черт, ты знаешь, сколько времени у меня ушло на все ловушки? – рявкнул Антон. – Нельзя хватать случайных больничных младенцев и тащить сюда. Сперва нужно спросить разрешения. А я – не нянька!

– Я – не младенец, – заявила я.

Ни Эсме, ни Антон ничего не ответили.

– Прежде всего, не я хватала ее и тащила сюда, – равнодушно заметила Эсме. – К тому же ей нужна тренировка.

– Это точно, – буркнул Антон и ткнул рукой в направлении остатков лавы и прожженной двери.

– Эй-Джи закинул ее сюда прежде, чем доктора успели поговорить о программе, – сказала Эсме. – Она ни на цент не знает, как сосредотачиваться и отвлекаться от реальности, может испортить мир в любой момент и переписать наши моды, как Андреа!

– Кто такая Андреа? – спросила я.

– Вот дерьмо, ты права! – буркнул Антон и уставился в никуда, затем пробормотал: – Ну ладно, пошли, перейдем в место безопаснее этого, там и обучим тебя азам.

Мне не понравился его тон, но что поделаешь?

Мы с Эсме прошли за Антоном сквозь стеклянную раздвижную дверь позади дома и увидели портал – вернее, его остатки. Похоже, Антон держал на заднем дворе средство покинуть игру.

– Что за черт? – выдохнул он.

Он обошел вокруг разрушенной арки портала. Обломки висели в воздухе, будто их что-то соединяло, хотя на самом деле между ними была пустота. Я немного обрадовалась, что мне не вешали лапшу на уши, рассказывая о портале. Но Антон все равно выглядел очень злым.

Он оторвался от портала и посмотрел на нас, затем шагнул под арку, чтобы убедиться в ее неисправности.

– Это, э-э, скверно. Очень, – выговорил он. – Это ты сделала?

– Я, что ли? Да нет! – запротестовала я. – Я только что сюда попала и ничего не сделала.

– Вспомни, что я говорила про какашки в песочнице, – посоветовала Эсме. – Ты можешь не знать, а твой мозг учинил что-то, напортил в игре и испортил наш портал.

Я не знала, что сказать. Если я и напортила, то не зная об этом. Я попыталась вспомнить все, что случилось в игре. Может, вначале я слишком долго глядела на строчку с командами?

– Я не совсем понимаю происходящее, – сказала я. – Я только что загрузилась в игру, начала исследовать, потом встретила Лонни, затем настала ночь и появились зомби.

– Тихо! – рявкнул Антон. – Дай мне немного подумать.

Мы постояли в тишине, затем я спросила:

– А зачем столько ловушек? В смысле, ведь в игре всего несколько ребят.

Эсме закашлялась, но ее кашель подозрительно напоминал смешок.

– У него проблемы с доверием.

– В игре? – спросила я.

– Нет, в реале. Его самый важный человек уходит от него, родители заставляют заниматься спортом, который он не любит.

– Любил, – перебил Антон.

– Который он любит, – упрямо повторила Эсме.

– Я заминировал дом, потому что монстры придут и поломают его, пока я буду заниматься архиважными делами реала, – объяснил Антон. – Тебе про них знать не обязательно. По крайней мере, сейчас. Сейчас у нас есть дела поважнее.

– И что за дела? – осведомилась я.

– Например, предупредить всех, кто зашел в игру после тебя.

– Нам нужно отыскать Лонни, – заявила я. – Он где-то в игре, но его аватар попорчен. Он выглядит как странный деревенский житель и не может говорить. В последний раз я его видела в лесном биоме.

– Как он в точности выглядит? – спросил Антон.

– Он в синей рубашке с белым крестом на груди.

– Я никогда не слышал, чтобы игрок воплощался в неигрового персонажа, – заметил Антон. – А я в этой игре с самого начала.

– Но это не значит, что такое невозможно, – заметила я.

Конечно, тот игрок-житель – обязательно Лонни. Разве Эсме не сказала, что Эй-Джи – заядлый вербовщик?

– Мой друг попал в ту же аварию, что и я. И он... ну да, он тоже носил синюю рубашку.

– С крестом? – спросил Антон.

Я заколебалась. Может, без креста? Я моргнула пару раз, пытаясь вспомнить, что было на Лонни в день аварии. Да, что-то темно-синее. И еще серебряный крестик. Может, оно и есть белое «Х»?

– Да, я уверена, – подтвердила я.

Эсме с Антоном переглянулись.

– Может, у него очки сломались, – задумчиво предположила я.

И все же отчего аватар Лонни так странно себя ведет?

Антон с Эсме снова переглянулись, затем Антон пожал плечами.

– Слишком рано строить теории, – сказала Эсме. – Мы знаем лишь то, что ты его недавно видела и он странно вел себя. Но события в игре необязательно отражают события снаружи.

– Ты права, мы должны поискать его вместе, – добавил Антон. – Я хочу посмотреть на него.

– Отлично, – значит, решено! Найдем Лонни, исправим его аватар, а потом ты потренируешь нас обоих в контроле над умом или чем там еще.

Я повернулась, чтобы уйти, но Антон встал передо мной.

– Послушай, тебе нужно знать кое-что еще. Есть, э-э, другие возможности.

– Какие? – спросила я.

Эсме вышла вперед.

– Давайте сначала найдем его, ладно? Зачем зря ее пугать?

– Ну, скажите мне! – взмолилась я.

– Ладно, хорошо. Надо сперва рассказать тебе про Андреа, – начал Антон. – Мы тогда не знали, что бывает, если в игру заходят неподготовленные. Эй-Джи, как обычно, дал ей очки. Несколько раз она играла нормально, а потом началась ерунда: вещи без причины пропадали из инвентаря, с неба падали всякие редкие штуки.

– Когда падали, это было здорово, – вмешалась Эсме.

– И какое отношение это имеет к Лонни? – спросила я.

– Ну, когда мы выгрузились, узнали, что ее папа получил новую работу, и вся семья переезжает. Андреа очень расстроилась, и все в игре пошло вверх тормашками. Мы пытались отвлечь ее как могли, и временами становилось лучше. Но не целиком. Тогда мы с Эй-Джи заговорили о том, чтобы модировать игру, не дать чьим-то расстройствам испортить мир. А потом...

– А потом она узнала, что семья переезжает за океан, – драматично произнесла Эсме, украв самую изюмину истории. – В Испанию!

– Ох! – выдохнула я.

Ведь так жутко узнать, что оставляешь всех друзей и едешь туда, где тебя никто не знает. И как вообще подружиться, если не знаешь языка?

Эсме кивнула, видя, что ко мне приходит понимание.

– И когда она решила поиграть с нами, мир просто взорвался! Биомы стали двигаться, мирные моды кинулись на нас без всякой причины, а наши базы превратились в обломки.

– Что случилось с Андреа? – мысленно готовясь к худшему, спросила я.

– Пока мы дрались с мобами, Эй-Джи сумел ее успокоить. Но пришлось все отстраивать с нуля на другом сервере. В конце концов, Андреа переехала и нашла много друзей в новой школе. Она больше не играет в этом мире, но пишет нам. Она рассказывает...

– Слушай, – перебил Антон, – самое важное, что мы теперь строим моды с расчетом на всякие истерики. Теперь они просто вызывают монстров низкого уровня, а на них почти не обращаешь внимания.

– Мы еще стараемся решать наши проблемы в реальном мире, прежде чем идти в игру, – добавила Эсме.

– Ребята, к счастью для вас, у меня нет проблем в реальном мире, кроме личного выздоровления, – заверила я. – И Лонни в порядке. Просто его аватар барахлит.

Эсме с Антоном загадочно посмотрели друг на друга. Интересно, с чего вдруг?

– Я хочу сказать, что это может быть и не Лонни, – осторожно произнес Антон.

– Конечно, это он! – перебила я. – Он же посмотрел на меня, узнал! Я видела!

Я устала болтать. Каждая секунда, которую мы потратили на бесполезные разговоры, – это секунда, которую мой друг провел, как в тюрьме, в теле жителя деревни. Я проскользнула мимо Антона и бросилась в пустыню, в направлении лесного биома, где пришла в игру.

– Вы понятия не имеете о том, что произошло! – закричала я. – Просто хотите кого-то обвинить. А по мне, так это вы двое все мне портите!

Нет, я сама разберусь во всем. И, прежде всего, найду Лонни. Мы с ним всегда были против всего мира. Мне нужен только мой Лонни – и больше никто!

Глава 7

Эсме с Антоном пошли за мной в пустыню, и в конце концов я позволила им догнать меня. Они заговаривали, я не отвечала. Конечно, я знала, что тот житель – Лонни, но этого не докажешь, пока они его не увидят. Я не отвечала на вопросы, поэтому мы шли в полной тишине, иногда останавливаясь, чтобы поохотиться на встречаемых нейтральных мобов. Потом стемнело, и mobs практически исчезли.

– Послушай! – снова начала Эсме.

– Не-а, – отрезала я.

– Я просто хочу подготовить тебя.

– Эсме, она не хочет слышать, – заметил Антон. – Пусть выяснит сама.

– Было бы лучше, если бы Бьянка...

– Эсме! – перебила я. – А можно сперва прийти в лесной биом, а потом делать выводы? Она пошла медленнее, будто хотела, чтобы мы двое ушли вперед.

– Что бы мы ни делали, надо держаться вместе, – сказал Антон. – Мы справимся с чем угодно, если будем в команде.

Эсме фыркнула и ускорила шаг.

Я заметила волка за деревьями. Он зарычал на меня, но, похоже, это лучший компаньон, чем два человека, которых я встретила в игре. Я вытащила кость от побежденного скелета и протянула волку. Тот отбежал на холм – недалеко, на пару уровней. Тогда я предложила больше костей. Волк подошел, посмотрел на меня, на кости, прыгнул на них – и они исчезли. Я добавила костей. Волк тихонько и визгливо заурчал, потерялся о мою ногу.

– Я думал, мы ищем твоего друга, а не домашнее животное, – заметил подошедший сзади Антон.

– А мы ищем, – огрызнулась я. – Но ведь ты сам сказал подготовиться. Поддержка в бою не помешает.

Я пошла дальше. Волк плелся следом. Мы быстро спустились с холма и подошли к моей хижине. Большая ее часть была развалена – словно от взрывчатки. Две стены снесены, дверей нет, и внутри никого. Даже в полу оказались дыры – ямы в земле.

– Да, это, в сущности, навес, – без тени юмора изрек Антон.

– Он не всегда был такой, – сказала я. – Это было простейшее убежище. Я хотела достроить его потом.

– Да я не ругаю его.

– Все это не важно, – отмахнулась Эсме. – Давайте найдем того жителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.